

УДК 94(470)+297.17
DOI 10.52452/19931778_2023_2_31

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МУСУЛЬМАНСКИХ СООБЩЕСТВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930–2010-х гг.

© 2023 г.

А.А. Корнилов,¹ А.А. Орехов²

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

²Институт образования Национального исследовательского университета –
Высшая школа экономики, Москва

Saov1612@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.03.2023

Рассматривается влияние миграции населения на возникновение и трансформацию мусульманских сообществ на территории Нижегородской области в 1930–2010-х гг. Основными методами исследования являлись проведение интервью и включенного наблюдения. Доказано, что мусульмане г. Бор Горьковской области не были автохтонными жителями данного населенного пункта, а стали ими в период миграции населения в ходе процессов индустриализации, коллективизации и урбанизации в период существования СССР – начиная с 1930-х гг. В 1991–2021 гг. российское общество в лице российских мусульман предложило мигрантам определенные модели поведения, а мигранты, в свою очередь, создавали свои собственные культурные ориентиры через демонстрацию своей этнической культуры и религии.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, мигранты, сообщество, адаптация.

Введение

В день, когда празднуется Курбан-байрам и верующие собираются на молитву в мечетях на улицах российских городов, особенно видна многоликость, многоэтничность российской уммы. Мечети выступают в качестве религиозных пространств и объединяют как местных, так и приехавших из других стран. Проповедь, наставления для верующих проговариваются на русском языке как языке межнационального общения, наиболее понятном для верующих как российских, так и из стран СНГ, вследствие миграции оказавшихся в России. Первые ряды молящихся в праздничном намазе заняты возрастными верующими, преимущественно татарами-мусульманами, дальше смыкаются ряды более молодых мужчин центральноазиатских республик, республик Северного Кавказа и Республики Азербайджан. Такое этническое разнообразие можно наблюдать не только в праздничные дни мусульманского календаря, но и посещая другие мероприятия, где совершаются молитвы и решаются организационные вопросы, например пятничные коллективные намазы и собрания по подготовке к ифтарам в месяц Рамадан.

В связи с этим возникают вопросы: как происходила трансформация, а в некоторых случаях появление исламских сообществ, под воздействием миграции; как влияло участие мигрантов в местной религиозной жизни на адаптацию мигрантов в принимающем сообществе?

В исследованиях, посвященных теме миграции, стала популярна концепция транснационализма, демонстрирующая, как мигранты сохраняют связи с родиной своих предков, одновременно обосновываясь в новых местах поселения. Исследователи за последние три десятилетия изучения международной миграции стали уделять все больше внимания процессам, с помощью которых иммигранты формируют и поддерживают многогранные социальные отношения, связывающие воедино их общества происхождения и расселения [1–3].

Тема религии как фактора транснациональной повседневной жизни мигрантов, в том числе влияющего на адаптацию иммигрантов в принимающем обществе, рассматривается в работах М. Гойтом, У. Идемудиа, Д. Хабти, Н. Глик-Шиллер, П. Левитт [4, 5, 1]. Религия и связанные с ней обычаи составляют значительную часть транснациональной повседневной жизни мигрантов, так как это один из путей, с помощью которого мигранты могут оставаться на связи со своей родиной и сообществами исхода. Практика религии помогает формировать транснациональную принадлежность, поскольку позволяет мигрантам, как пишет Н. Глик-Шиллер, «поддерживать долгосрочные связи с оставленными ими местами, предоставляя мигрантам одновременно локальный и транснациональный способ инкорпорации, который может формировать их не как этнос, а как граждан

текущего места проживания, так и мира» [1]. В этом случае места отправления культа могут служить местами для мигрантов, где они могут поделиться своими трудностями и найти решение своих проблем. Участие в религиозных сообществах предоставляет мигрантам доступ к ресурсам духовного и социального капитала, необходимым для обустройства в принимающей стране.

Российскими исследователями миграции, руководствующимися концепцией транснационализма, но не концентрирующимися на теме религии, был опубликован сборник статей «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность». Актуальными исследованиями, проведенными на российском этнографическом материале, в которых раскрывается фактор религии применительно к мигрантским сообществам, являются работы Д. Опарина, Ф. Сметанина, Э. Сеитова [7–9]. Внутренней миграции в советский период времени посвящены работы В. Заславского [10].

На этнографических материалах, собранных во время исследования в 2019–2022 гг. в Нижнем Новгороде и г. Бор Нижегородской области, мы стремились проследить специфику возникновения и трансформации исламских сообществ под воздействием миграции в советский и постсоветский периоды времени.

Основными методами исследования являлись проведение интервью и включенного наблюдения. Метод интервьюирования предоставил респондентам возможность рассказать о своем опыте миграции, иммиграции. Метод включенного наблюдения позволил непосредственно увидеть практики взаимодействия людей, в том числе мигрантов в рамках мечетей и других мест.

Внутренняя миграция в советский период и возникновение новых мусульманских сообществ

В советский период времени внутренняя миграция населения по территории РСФСР, затем СССР, осуществлялась достаточно беспрепятственно и определялась в основном экономическими и политическими факторами. В. Заславский выделяет два периода внутренней миграции [10]. Первый период – 1930–1950-е гг. – характеризуется стремительной урбанизацией и массовым оттоком населения из сел в города. Многочисленные группы мигрантов, в основном сельские жители, перебирались в большие города и развивающиеся промышленные центры. Основным результатом этих миграционных процессов стал взрыв восходящей мобиль-

ности, затронувший значительную часть всего населения. Восходящая мобильность – социальный подъем, в ходе повышения гражданами своего социального статуса, например, через овладение новой профессией, переселение в более развитый регион. Результатом восходящей мобильности являлось улучшение материальных условий жизни людей, реализация творческих способностей, а также удовлетворение прочих потребностей и амбиций. Миграционные процессы этого периода выразились, прежде всего, в увеличении населения городов [11]. Отличительной особенностью миграции во второй период (с конца 1950-х гг.) стала миграция населения между городами при сохранившейся миграции из деревни в город.

Миграция мусульманского населения в европейской части РСФСР, особенно в интересующей нас Горьковской области, оказалась соответствующей тенденциям внутреннего миграционного процесса в СССР.

Выходцы из татарских деревень ехали на заработки в города. При этом мигранты-мусульмане оказывались на тех территориях, где до этого не было мусульманских сообществ. Примером могут служить приезд татар-мусульман в город Бор Горьковской области и образование в городе татарского мусульманского сообщества.

Согласно воспоминаниям старших представителей мусульманского сообщества г. Бор, на момент 1930-х гг. среди местных жителей рабочего поселка Бор мусульман не было [12]. Первыми мусульманами были татары – выходцы из населенных пунктов сельской местности юго-востока Горьковской области и Татарской АССР, мигрировавшие в г. Бор. В памяти людей сохранилось, что их семьи были вынуждены бежать от голода на селе, от конфликтов, связанных с ломкой деревенской жизни в ходе проводимой коллективизации. В города Горьковской области, в том числе в г. Бор, татары-мусульмане прибывали с целью работы на строительстве предприятий города, затем трудоустройства на самих предприятиях [12, 13]. В качестве примера обратимся к кратким биографиям Хэжетлислама Абзалова (1904–1985 гг.) и Мьялюда Невмятуллина (1882–1956 гг.).

Хэжетлислам Абзалов родился в деревне Куштово Апастовского района Казанской губернии, окончил курс обучения на имама в медресе в 1928 г. и в том же году уехал из деревни работать на строительстве Шатурской ГРЭС (г. Шатура, Московская область). После этого он приехал в г. Бор, строил стекольный завод и далее работал мастером на Борском стекольном заводе до выхода на пенсию в 1964 г., а после этого стал муллой (имамом) [13].

Согласно воспоминаниям Муниры Невмятуллиной [14], ориентировочно с начала 1920-х гг. Мьявлюд Невмятуллин совместно с братьями стал заниматься торговлей мануфактурными товарами. За товаром ходили пешком в Москву и, возвращаясь обратно, продавали товар в населенных пунктах по дворам. Каждый такой торговый цикл занимал 1 месяц. Об отходничестве, распространенном способе заработка для жителей села Ишеево, пишет также нижегородский историк О.Н. Сенюткина [15]. В ходе торговли Мьявлюду и его братьям удалось построить каждому по деревянному дому в с. Ишеево, что свидетельствовало о достатке, так как в этой местности не было леса, свободного под сруб. 1931 г. в рукописи обозначен как год раскулачивания и угроз расстрела по отношению к ее родственникам. В связи с этим в том же году Мьявлюд отправил жену с детьми в г. Нижний Новгород к своей сестре, которая жила с мужем – Адыятуллой Назировым в районе Нижегородской соборной мечети, затем и сам перебрался к жене и детям в г. Нижний Новгород. По совету знакомых семья перебралась в г. Бор в 1935 г., где осталась жить. Мьявлюду Невмятуллину уже было больше сорока лет, по-видимому, он не обладал какой-либо профессией для работы на строящихся промышленных предприятиях в городе и по этой причине либо работал сторожем, либо занимался покраской тканей кустарным способом.

В 1930-е гг. основными местами трудоустройства в г. Бор и его округе были такие предприятия, как хлебозавод, предприятия порта в затоне им. Карла Маркса на р. Волге, предприятия по заготовке леса, сена и другие. По прибытии татар в г. Бор начало складываться татарское мусульманское сообщество, его формированию способствовали мусульманские обряды, ставшие татарскими обычаями, которые считались в сообществе необходимыми к исполнению в определенные моменты человеческой жизни, например обряд имянаречения («исем-куш») при рождении, обрезание (в случае мальчиков), обряд «никах» при женитьбе, обряд «джаназа» при смерти. Для исполнения обрядов и чтения при этом Корана стали приглашать тех, кто обладал для этого необходимыми религиозными знаниями, навыками, в том числе и М. Невмятуллина, Х. Абзалова, которые стали считаться муллами (имамами).

Исходя из сведений, полученных в интервью с информантами, миграция татарского населения из населенных пунктов сельской местности в г. Бор продолжалась весь советский период, в 1930–1980-х гг. Самой распространенной причиной отъезда в город был заработок (более

высокий, чем в сельской местности). Переезжали прежде всего молодые мужчины после демобилизации из армии [17, 18].

Информанты в тот момент времени – молодые мужчины после армии, с основным общим или средним специальным образованием – не были удовлетворены жизнью в населенных пунктах сельской местности по причине низких заработков. Либо сразу после службы в Советской армии они мигрировали в другие регионы СССР с целью работы и обустройства, либо делали это в течение нескольких лет после демобилизации. Так, например, Раис Шарипов, родившийся в 1940 г. в селе Комургузя Атнинского района Татарской АССР, служил в Советской армии (военно-учетная специальность – механик-водитель) на территории Казахской ССР в 1958–1961 гг. После армии Р. Шарипов не вернулся в родное село, уехал с товарищем по службе в армию в Узбекскую ССР, поскольку у сослуживца там работал брат. Причина отъезда – «работа за трудодни в местном колхозе и отсутствие паспорта» [18]. В Узбекистане Р. Шарипов вместе с сослуживцем трудоустроился в геологопоисковую экспедицию, располагавшуюся в поселке городского типа Джаркурган Термезской области. Работал дизелистом, водителем бульдозера, получил временный паспорт – на 6 месяцев и продлевал его, в паспортном столе работал его земляк из Атнинского района Татарской АССР.

При миграции сеть людских контактов не разрывалась, прибывшие в город поддерживали контакты с родственниками, в том числе с теми, кто оставался в родных селах.

Р. Шарипов прожил в Узбекистане до 1969 года и уже с семьей вернулся в РСФСР. Место, где обосноваться в РСФСР, также подбиралось исходя из наличия контактов, связей с родственниками, друзьями, а также перспектив по трудоустройству на промышленных предприятиях. В итоге Р. Шарипов с супругой приехали в город Бор, в городе жила родственница супруги. Шариповы купили дом на скопленные за время работы в Узбекистане средства, Р. Шарипов устроился на работу в леспромхоз водителем бульдозера, а также влился в татарское мусульманское сообщество [18].

Таким образом, мусульмане не были местными, автохтонными жителями данного населенного пункта, а стали ими в период миграции населения в ходе процессов индустриализации, коллективизации и урбанизации в период существования СССР – начиная с 1930-х гг. В городе создавалось локальное татарско-мусульманское сообщество.

Международная миграция в постсоветский период и трансформация мусульманских сообществ

Локальные религиозные сообщества в России испытали на себе мощное влияние миграции в постсоветский период. По мнению С.Н. Абашина, в 1990–2000-х гг. произошли кардинальные изменения в доминирующих тенденциях в миграции из стран Средней Азии в Россию. При продолжающемся оттоке, репатриации русского и русскоязычного населения в Россию появилась миграция, основной декларируемой целью которой стал заработок. Первые мигранты этого типа приезжали в Россию вместе с основной волной миграционной репатриации. Основными факторами нарастания этого типа миграции стали: быстрое экономическое восстановление России после кризиса 1998 года, высокий и долговременный рост цен на экспортируемое сырье, демографическое снижение трудоспособного населения. Указанные факторы вызвали эффект притяжения мигрантов из бывших советских республик, которые, напротив, имеют переизбыток рабочей силы в условиях продолжающегося демографического роста и меньших объемов экономики. Миграции благоприятствовали сохраняющийся безвизовый режим въезда в Россию и многие совместные культурные привычки и навыки общения.

Из стран Центральной Азии первыми в трудовую миграцию направились жители самых бедных государств — Таджикистана и Кыргызстана, экономика которых, за отсутствием своих сырьевых отраслей и из-за политической нестабильности, пришла в упадок. Чуть позднее, в середине 2000-х годов, к ним присоединились жители Узбекистана, страны относительно богатой сырьем, но густонаселенной. Миграция быстро нарастала и достигла огромных масштабов. По официальным данным бывшей Федеральной миграционной службы России, на территории страны в 2014 году одновременно находилось около 4,3 млн иностранных граждан, выходцев из названных трех государств. Это был пиковый год максимального присутствия жителей Средней Азии в России. При этом общая сумма переводов из России в три страны, согласно официальным расчетам Центрального банка России, составила в 2013 году почти 13 млрд долларов США [19].

Миграция была тесно связана с детерриторизацией и ретерриторизацией — с отрывом культуры от конкретного места, разрушением старых пространств и созданием новых. В российских городах создавались новые пространства — вкрапления новой для этих мест культуры.

Например в некоторых корпусах бывшего завода «Кристалл» (г. Москва, ст. метро «Бауманская») были оборудованы общежития для мигрантов. Рядом с общежитиями были обустроены заведения общепита (чайханы), магазины, где был сегмент халяльной продукции, парикмахерские и прочие заведения, которые позволяли освоить новое пространство, наделить его своими смыслами. Речь не идет о том, что мигрантами в таких случаях полностью воссоздавались пространства их родины — стран отправления, скорее российские городские пространства становились более многослойными. В течение суток массы людей сменяли друг друга, с утра как мигранты, так и москвичи спешили по делам работы, учебы, покидали этот московский район, вечером возвращались обратно, заполняя собой чайханы и бары, мигрантские парикмахерские и барбершопы, спортзалы и тренировочные площадки в парке Лефортово, заходили в магазины с сегментом халяльной продукции, сотрудники магазинов молились в молельных комнатах.

Начавшийся в начале 2000-х гг. приезд трудовых мигрантов из стран Центральной Азии существенно повысил количество людей, посещающих мечети в Нижегородской области, особенно в самом г. Нижнем Новгороде, г. Бор, г. Дзержинске. Миграция усилила разнообразие национального состава населения, посещающего мечети. К сравнительно небольшому мусульманскому населению региона, состоящему из татар, выходцев с Северного Кавказа, из Азербайджана, прибавились мигранты из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана.

Тесно связана с проблемой экономического обустройства мигрантов проблема возникновения чувства собственной инаковости в принимающей стране. В ответ на эту проблему возникал вопрос о сохранении собственной культуры, что требовало со стороны мигрантских сообществ активизации культурного производства, чтобы ответить на вызов со стороны принимающего сообщества. Примерами могут служить организация различных мероприятий общественными организациями, например, выходцев из Таджикистана. Это могли быть концерты, выставки изобразительного искусства, организация полевой кухни на мероприятиях в честь Дня города. Частью городских мероприятий в честь татарского праздника Сабантуй являлась активность других сообществ, позиционирующих себя в качестве этнических, например, осуществление торговли собственной продукцией, выставка картин [20]. К культурному производству относились также действия, которые были направлены на привлечение внимания

других жителей города к этим мероприятиям через посты в социальных сетях в Интернете [21].

Миграция вынудила людей мобилизовать ресурсы, чтобы сохранить свое сообщество, свою идентичность. В числе ресурсов мигрантских сообществ находилась и религия, и создание с помощью религии символического капитала. Религия в некоторых случаях сама становилась основой для формирования экономики, производства ценностей. Так, например, случалась практика поручительства имамов мечетей в регионе за человека – подрядчика, который нанимал рабочих – трудовых мигрантов на строительный подряд. При этом как сам работодатель, так и рабочие были выходцами из Таджикистана, а имамами были местные татары-мусульмане [22]. Этот случай свидетельствует о важности религиозного компонента в решении трудовых вопросов в мигрантском сообществе.

Миграция вынуждала людей обратить внимание на компоненты своей культуры, которые не были так осязаемы при нахождении на родине, в стране исхода, но становились очень заметны на фоне культуры принимающего сообщества [23]. Так же обстояло дело с религией. Действия по презентации своей культуры плавно переходили в мероприятия, где определяющими становились уже не столько этническая, национальная идентичность, а религиозная. Примером последнего может служить участие представителей национальных общественных организаций в мероприятиях, направленных на улучшение условий содержания задержанных российскими правоохранительными органами либо уже осужденных, и являющихся как соотечественниками, так и «этническими мусульманами». В таких случаях меры по улучшению условий содержания распространялись на всех мусульман, в том числе на тех, кто не являлись соотечественниками [23].

Выходцы из Таджикистана, приезжавшие с начала 2000-х гг. в качестве трудовых мигрантов, совместно с выходцами из Узбекистана и Кыргызстана стали составлять большинство прихожан в мечетях Нижнего Новгорода и близлежащих городов. Так, например, в г. Бор они стали основным контингентом, который отвечал за поддержание комплекса зданий мечети как инфраструктуры для циркуляции и воспроизводства исламских знаний. Приходя в мечети, мигранты вступали во взаимодействие с местными имамами – нижегородскими татарами, которые считали себя лидерами и наиболее добросовестными служащими в деле поддержания и распространения ислама на данной российской территории [25]. Со своей стороны,

представители диаспоральных организаций декларативно не претендовали на лидерство в мусульманском сообществе, однако болезненно воспринимали случаи, когда участие диаспоральной организации не упоминали в рамках совместных мероприятий по презентации культуры этнических сообществ [26].

Вместе с тем мигранты обустроивали другие молельные пространства в непосредственной близости от мест работы, например, молельные комнаты на Канавинском и Кузбасском рынках в г. Нижнем Новгороде. Такие пространства были вне власти официально зарегистрированных религиозных организаций и управлялись самоорганизовавшимися представителями бизнеса, связанного с торговлей.

В таких случаях наблюдалась вариативность, потому что у мигрантов-мусульман появлялась возможность выбора, как проявить свою религиозность: совершить поездку в мечеть и коммуницировать с более разнообразным, включая местных мусульман, мусульманским сообществом либо оставаться вблизи своего рабочего места и своих коллег по работе. Мигранты, которые выбирали посещение мечети, получали возможность воспользоваться российской системой исламского образования, включающей в себя последовательное обучение в мактабе, медресе, исламском институте, Булгарской исламской академии. Этот путь открывал для них возможность карьеры в качестве имама, преподавателя в мактабе (воскресной школе), медресе.

Миграция на территорию РФ из стран Средней Азии происходила еще в период СССР, например в 1980-х гг., мигранты приезжали учиться, трудоустроивались на предприятия г. Горького [27], обустроивали быт, перевозили семьи. Их дети стали вторым поколением мигрантов, родившимися на территории постсоветской РФ. Характерные черты второго поколения: детство и взросление в русскоязычной среде, практически полное отсутствие друзей того же этноса, что и они сами, интерес к общению (на основе осознания собственного стремления к корням культуры родителей) с мигрантами первого поколения, которые приехали в РФ начиная с 2000-х гг. Вариативность в поведение вносили: возможность или отсутствие возможности проведения летних каникул, затем отпусков в Таджикистане в домах родственников, уверенное или поверхностное знание таджикского языка (диалекта региона, например языка, распространенного среди населения Горно-Бадахшанской автономной области), интерес к религии родителей, предков/товарищей по диаспоральной организации, выражение собственной религиозности или отсутствие этого.

Религиозность мигрантов проявилась на фоне ощущения собственной инаковости по отношению к культуре принимающего сообщества и мобилизовалась диаспоральными и религиозными организациями. Происходило пополнение российской системы исламского образования детьми, рожденными в семьях мигрантов либо в смешанных браках мигрантов и граждан(ок) РФ. Исламская религиозность, с одной стороны, способствовала интересу к своей этнической культуре и стремлению ее сохранить вдали от страны исхода, с другой стороны, вынуждала входить в коммуникацию на русском языке с мусульманами других национальностей, перенимать опыт жизни российских мусульман. Таким образом, с одной стороны, российское общество в лице российских мусульман предлагало и артикулировало определенные модели поведения мигрантам, а мигранты, в свою очередь, создавали свои собственные культурные ориентиры через демонстрацию своей этнической культуры и религии.

Заключение

Миграция населения, как внутренняя, так и международная, привела к возникновению и трансформации мусульманских сообществ на территории Нижегородской области. Религия оказалась важным компонентом, который позволял мигрантам строить свою идентичность в сплаве с собственной этнической культурой, образуя так называемые диаспоральные объединения. Напрямую с этим религия помогала формировать идентичность с другими этносами, создавать новые смыслы, пространства и создавать новые ценности, которые приводили к изменениям в местных мусульманских сообществах. Религия была не только бременем, ресурсом (материальным и духовным) или ценностью, используя которые мигранты могли обеспечить себе безопасную жизнь в принимающем обществе. Религия породила специфические траектории конфессиональной идентичности, выдвинула новых лидеров, обновленный религиозный опыт. Передача исламских знаний и обрядов открыла путь различным религиозным конструктам в новых пространствах (при ретерриторизации) или в религиозных пространствах, созданных при участии прибывших мигрантов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90013.

Список литературы

1. Glick Schiller N. There is no power except for God: Locality, global Christianity and immigrant transna-

tional incorporation // *Permutations of order: Religion and law as contested sovereignties* / T.G. Kirsch & B. Turner (Eds.). Aldershot: Ashgate Press, 2009. P. 125–146.

2. Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (eds.). *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. New York: New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.

3. Basch L., Glick Schiller N., & Blanc Szanton C. *Nations unbound: Transnational projects, postcolonial predicaments, and deterritorialized nation-states*. Gordon & Breach, 1994.

4. Goitom M. & Idemudia U. Religion and post-migration aspirations: Ethiopian migrants in Canada // *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*. 2022. **41** (5). P. 213–238. DOI: 10.1080/15426432.2022.2049434.

5. Habti D. The religious aspects of diasporic experience of Muslims in Europe within the crisis of multiculturalism // *Policy Futures in Education*. 2014. **12** (14). P. 149–162. <https://doi.org/10.2304/pfie.2014.12.1.149>.

6. Levitt P. God needs no passport: How immigrants are changing the American religious landscape. New Press, 2007.

7. Опарин Д.А. Религиозный авторитет и этика повседневности в мусульманской миграционной среде // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2020. № 1 (12). С. 81–105.

8. Сметанин Ф.А. Мусульманские сообщества и диаспоры как фактор интеграции мигрантов (пример Томска) // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 461. С. 161–165.

9. Сеитов Э.М. Формирование и деятельность шиитских сообществ Москвы в постсоветский период // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2021. Т. 17. № 2. С. 141–160.

10. Заславский В. *Закрытые города и организованный консенсус // От неосталинского государства до постсоветской России. 1970–2000*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 185–226.

11. Кумо Кадзухиро. Межрегиональная миграция в советской России: факторы и эффективность управления // *Пространственная экономика*. 2019. **15** (4). С. 57–84.

12. Интервью с мусульманкой М. Невмятуллиной. 01.10.2021. Нижегородская обл., г. Бор. Соборная мечеть.

13. Интервью с мусульманкой Н. Абзаловой. 19.05.2022. Нижегородская обл., г. Бор. Соборная мечеть.

14. Невмятуллина М. История мусульманства города Бор (рукопись). Не опубликована, сканы листов хранятся в личном архиве А.А. Орехова.

15. Сенюткина О.Н., Магжанов С.М. Из истории татарской деревни Ишеево. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского исламского медресе «Махинур», 2005. 60 с. URL: <http://idmedina.ru/books/regions/?2876> (дата обращения: 07.03.2023).

16. Назиров, Адиятулла // Ислам на Нижегородчине: энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Нижний Новгород: Медина, 2007.

17. Интервью с имамом У. Иксановым. 01.01.2021. Нижегородская обл., г. Бор. Соборная мечеть.

18. Интервью с мусульманином в мечети Р. Шариповым. 19.05.2022. Нижегородская обл., г. Бор. Соборная мечеть.

19. Абашин С.Н. Постсоветская трудовая миграция из стран Средней Азии в Россию // «Жить в двух мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслочность. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2021. С. 30–43.

20. Главное, ребята, сердцем не стареть! // Дзержинские ведомости. 24.09.2020. URL: <https://d-ved.ru/2020/09/24/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%8F%D1%82%D0%B0-%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%86%D0%B5%D0%BC-%D0%BD%D0%B5-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C/> (дата обращения: 07.01.2023).

21. Умед (Надежда) – НРООВТ: сообщество в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/umednadezhda> (дата обращения: 07.01.2023).

22. Интервью с мусульманином-предпринимателем (пожелавшим остаться анонимным) 13.09.2022. Место – Парк «Швейцария», г. Нижний Новгород.

23. Бредникова О. «Живу, постоянно оглядываюсь»: doing everyday transnationalism // «Жить в двух

мирах»: Переосмысляя транснационализм и транслочность. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2021. С. 71–106.

24. Пост «НРООВТ Умед (Надежда) в своей деятельности придерживается принципа помощи соотечественникам, оказавшимся в трудном положении...» // Умед (Надежда) – НРООВТ: сообщество в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/umednadezhda?w=wall-2129424807> (дата обращения: 07.01.2023).

25. Интервью с неназванными имамами, 13.10.2021. Место: Нижегородская Соборная мечеть.

26. Разговор с членом (1) Нижегородской региональной общественной организации выходцев из Республики Таджикистан «Умед» («Надежда»). 14.08.2022. Место: Кузбасский рынок, г. Нижний Новгород.

27. Интервью с членом (2) Нижегородской региональной общественной организации выходцев из Республики Таджикистан «Умед» («Надежда»), 14.08.2022, место: г. Нижний Новгород, ТЦ «Муравей».

28. Интервью с членом (3) Нижегородской региональной общественной организации выходцев из Республики Таджикистан «Умед» («Надежда»). 04.09.2022, Zoom.

29. Bava S. Migration-religion studies in France: Evolving toward a religious anthropology of movement // *Annual Review of Anthropology*. 2011. **40**. P. 493–507. doi: 10.1146/annurev-anthro-081309-145827.

TRANSFORMATION ISSUES OF MUSLIM COMMUNITIES' IN NIZHNY NOVGOROD REGION (1930s-2010s)

A.A. Kornilov,¹ A.A. Orekhov²

The article considers impact of the migration of the population on emergence and transformation of Muslim communities in the Nizhny Novgorod region in the 1930-2010s. The main research methods were interviews and inclusive monitoring. It is proved that the Muslims of the city of Bor in Gorky region were not autochthonous inhabitants of this settlement, but they became them during the migration of the population during the processes of industrialization, collectivization and urbanization during the existence of the USSR, since the 1930s. In the period 1991-2021, Russian society, represented by local Muslims, proposed certain behavior models to migrants, and migrants, in turn, created their own cultural guidelines through a demonstration of their ethnic culture and religion.

Keywords: migrants, Islam, Muslims, community, adaptation.

References

1. Glick Schiller N. There is no power except for God: Locality, global Christianity and immigrant transnational incorporation // *Permutations of order: Religion and law as contested sovereignties* / T.G. Kirsch & B. Turner (Eds.). Aldershot: Ashgate Press, 2009. P. 125–146.

2. Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (eds.). *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. New York: New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.

3. Basch L., Glick Schiller N., & Blanc Szanton C. *Nations unbound: Transnational projects, postcolonial predicaments, and deterritorialized nation-states*. Gordon & Breach, 1994.

4. Goitom M. & Idemudia U. Religion and post-migration aspirations: Ethiopian migrants in Canada // *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*. 2022. **41** (5). P. 213–238. DOI: 10.1080/15426432.2022.2049434.

5. Habti D. The religious aspects of diasporic experience of Muslims in Europe within the crisis of multiculturalism // *Policy Futures in Education*. 2014. **12** (14). P. 149–162. <https://doi.org/10.2304/pfie.2014.12.1.149>.

6. Levitt P. *God needs no passport: How immigrants are changing the American religious landscape*. New Press, 2007.

7. Oparin D.A. Religious authority and ethics of everyday life in the Muslim migration environment // *Laboratory. Journal of Social Research*. 2020. № 1 (12). P. 81–105.

8. Smetanin F.A. Muslim communities and diasporas as a factor of integration of migrants (example of

Tomsk) // Bulletin of Tomsk State University. 2020. № 461. P. 161–165.

9. Seitov E.M. Formation and activity of the Shiite communities of Moscow in the post-Soviet period // Islam in the modern world: domestic and international political aspects. 2021. Vol. 17. № 2. P. 141–160.

10. Zaslavsky V. Closed cities and the organizational consensus // From the neo-Stalinist state to post-Soviet Russia. 1970–2000. St. Petersburg: European University in St. Petersburg, 2019. P. 185–226.

11. Kumo Kazuhiro. Interregional migration in Soviet Russia: factors and management efficiency // Spatial economics. 2019. 15 (4). P. 57–84.

12. Interview with Muslim M. Nevmatullina. 01.10.2021. Nizhny Novgorod region, Bor. The cathedral a mosque.

13. Interview with a Muslim woman N. Abzalova. 19.05.2022. Nizhny Novgorod region, Bor. Cathedral mosque.

14. Nevmyatullina M. The History of Islam of the Bor genus (manuscript). Not published, scans of the sheets are stored in the personal archive of A.A. Orekhov.

15. Senyutkina O.N., Magzhanov S.M. From the history of the Tatar village of Ishevo. Nizhny Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod Islamic madrasah «Makhinur», 2005. 60 p. URL: <http://idmedina.ru/books/regions/?2876> (Date of access: 07.03.2023).

16. Nazirov, Adiyatullah // Islam in the Lower City: an encyclopedic dictionary / Comp. and ed. by D.V. Mukhetdinov. Nizhny Novgorod: Medina, 2007.

17. Interview with Imam U. Iksanov. 01.01.2021. Nizhny Novgorod region, Bor. Cathedral mosque.

18. Interview with a Muslim in the mosque R. Sharipov. 19.05.2022. Nizhny Novgorod region, Bor. Cathedral mosque.

19. Abashin S.N. Post-Soviet labor migration from Central Asian countries to Russia // «Living in two worlds»: Rethinking transnationalism and translocality. Moscow: Editorial Board of the journal «New Literary Review», 2021. P. 30–43.

20. The main thing, guys, is not to grow old with your heart! // Dzerzhinsky news. 09/24/2020. URL: [https://d-ved.ru/2020/09/24/%D0%B3%D0%BB%D0%](https://d-ved.ru/2020/09/24/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%8F%D1%82%D0%B0-%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%86%D0%B5%D0%BC-%D0%BD%D0%B5-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C/)

[B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%8F%D1%82%D0%B0-%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%86%D0%B5%D0%BC-%D0%BD%D0%B5-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C/](https://d-ved.ru/2020/09/24/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%8F%D1%82%D0%B0-%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%86%D0%B5%D0%BC-%D0%BD%D0%B5-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C/) (Date of access: 07.01.2023).

21. Umed (Hope) – NNRPOINT: community in the social network VKontakte. URL: <https://vk.com/umedna> dezhdha (Date of access: 07.01.2023).

22. Interview with a Muslim entrepreneur (who wished to remain anonymous) 13.09.2022. Place – Park «Switzerland», Nizhny Novgorod.

23. Brednikova O. «I live, constantly looking back»: doing everyday transnationalism // «Living in two worlds»: Rethinking transnationalism and translocality. M.: Editorial Board of the journal «New Literary Review», 2021. P. 71–106.

24. The post « NNRPOINT Umed (Hope) in its activity adheres to the principle of helping people who find themselves in a difficult situation ...» // Umed (Hope) – NNRPOINT: a community in the social network VKontakte. URL: <https://vk.com/umednadezhda?w=wall-2129424807> (Date of access: 07.01.2023).

25. Interview with unnamed imams, 13.10.2021. Location: Nizhny Novgorod Cathedral Mosque.

26. Talk with a member (1) of the Nizhny Novgorod regional public organization of immigrants from the Republic of Tajikistan «Umed» («Hope»). 14.08.2022. Location: Kuzbass market, Nizhny Novgorod.

27. Interview with a member (2) of the Nizhny Novgorod regional public organization of immigrants from the Republic of Tajikistan «Umed» («Hope»), 14.08.2022, place: Nizhny Novgorod, shopping center «Ant».

28. Interview with a member (3) of the Nizhny Novgorod regional public organization of immigrants from the Republic of Tajikistan «Umed» («Hope»). 04.09.2022, Zoom.

29. Bava S. Migration-religion studies in France: Evolving toward a religious anthropology of movement // Annual Review of Anthropology. 2011. 40. P. 493–507. doi: 10.1146/annurev-anthro-081309-145827.